

Дара Вейн

Леонид Брежнев. Эпоха,
человек, наследие

Дара Вейн

**Леонид Брежнев. Эпоха,
человек, наследие**

«Автор»

2026

Вейн Д.

Леонид Брежнев. Эпоха, человек, наследие / Д. Вейн — «Автор»,
2026

О Брежнев без хрестоматийного глянца и без кухонного ёрничества — живой человек на вершине системы, которая не умела меняться. От землемера в Каменском до генсека, от Малой Земли до Завидово, от смещения Хрущёва до Афганистана — сквозь реальные диалоги, в которых герои перебивают друг друга, вздыхают и отшучиваются. Эпоха застоя рассказана не сухим языком учебника, а голосами тех, кто её прожил.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Леонид Брежнев. Эпоха, человек, наследие

Леонид Брежнев

Эпоха, человек, наследие

Дара Вейн

«Главное, ребята, не стареть...»

— *Интуитивно приписывается Л. И. Брежневу*

Оглавление

Глава 1. Мальчик из Каменского

Глава 2. Землеустроитель

Глава 3. Война

Глава 4. Молдавия

Глава 5. Москва. Хрущёв. Тихий переворот

Глава 6. Развитой социализм

Глава 7. Разрядка

Глава 8. Афганистан

Глава 9. Болезнь

Глава 10. Анекдоты

Глава 11. Наследие

Послесловие автора

Глава 1. Мальчик из Каменского

1912 год. Посёлок Каменское, Екатеринославская губерния — место, которое потом назовут Днепродзержинском, а ещё позже снова переименуют, потому что на Украине *moda* на переименования никогда не *passes*. Но тогда это был просто пыльный металлургический посёлок при заводе, где дымили домны, а река Днепр пахла железом и глиной.

Здесь, в семье Ильи Яковлевича Брежнева и Натальи Денисовны Мазаловой, 19 декабря родился сын Леонид. Илья Яковлевич был не то чтобы простым рабочим — он успел побывать и металлургом, и управляющим мельницей, и даже выбиться в люди среднего достатка. Словом, не из тех Брежневых, которым нечего есть, но и не из тех, кто живёт в особняке.

Разговор за ужином

— Леонидка, ты опять без шапки бегал? — Наталья Денисовна поставила на стол чугунок с кашей и посмотрела на сына с той особенной материнской смесью тревоги и раздражения.

— Мам, там ребята в казаки-разбойники играют! Какая шапка?

— Ушами своими замёрзнешь, вот какая шапка. Сядь, ешь.

Илья Яковлевич, не поднимая глаз от газеты, сказал:

— Пусть бегаёт. Мужик растёт. Небось не растает.

— Ты-то рад. А кто его лечить будет, если захворает? Фельдшер вон пьяный вечно.

— Не захворает, — Илья Яковлевич аккуратно сложил газету. — На заводе отцы работают, а дети в казаки играют. Правильно. Значит, спокойно у нас. Пока что.

Это «пока что» повисало над Каменским все годы детства Леонида. Громыхала Первая мировая, потом рванула революция, потом гражданская — и всё это было где-то рядом, но будто в другой комнате. Каменское было заводским посёлком, и завод кормил. Пока завод работал, жизнь шла.

Леонид учился в классическом мужском училище. Не блестяще, но не плохо — был способным, когда хотел, и ленивым, когда не хотел. Учители запомнили его как приятного мальчика, который не задибался, не дрался первым, но и в обиду себя не давал. Добродушный. Это слово будет преследовать его всю жизнь.

Глава 2. Землеустроитель

После училища — Курский землеустроительный техникум. Звучит почти смешно: Брежнев, которому суждено было управлять одной шестой частью суши, начинал с того, что мерил поля. Но именно землеустройство научило его двум вещам, которые потом пригодились.

Во-первых, разговаривать с людьми. Землеустроитель — это не просто геометр с цепью. Это человек, который приходит в деревню и говорит: «Вот этот кусок у тебя, а вот этот — у соседа». И крестьяне могут его послать, обругать, а то и вилами пригрозить. Надо уметь объяснять, уговаривать, не терять лица. Брежнев умел.

Во-вторых, не спешить. Спешить — ошибёшься в межевании, и потом суды, скандалы, жалобы. Брежнев не спешил никогда.

В поле, под Воронежем, 1930 год

— Ты, мил человек, тут ошибся, — старик в постиранной поддёвке ткнул пальцем в колышек. — Это земля Парамона Кучеренко, а не моя. У меня за оврагом полоска.

— Беру ваш план, читаю. Вот — за оврагом. А тут что?

— А тут — Парамоново. Он мне ещё дед должен был, а я у него забрал, значит, по-братски.

— По документу — ваша. По совести — Парамона. Как скажете?

Старик хмыкнул.

— А ты не торопишься. Ишь, молодой, а с головой. Ладно, оставь Парамону. А то ведь заругает на сходе.

— Оставляю. Распишется вот тут.

— Вот за это — уважаю. Давай расписку.

Потом был Днепропетровский металлургический институт. Брежнев выбрал его, а не что-то ближе к земле, потому что чувствовал: индустризация — это не лозунг, это реальность. Заводы строят, людям нужен металл. А Каменское было металлургическим посёлком — с детства он знал, как пахнет домна.

В институте он вступил в партию. Не из карьерно-мудрых соображений — в 1931 году это было как вступить в гвардию: опасно, но престижно. Потом это станет основной частью его жизни. А пока — просто молодой инженер Брежнев, который отлично танцевал вальс, играл на баяне и нравился девушкам.

В 1935 году он заканчивает институт. Дипломный проект — прокатный стан. Уже тогда он думал о том, как металл становится формой. Не знал, что через несколько лет ему самому придётся прокатать через исторический стан и себя, и страну.

Молодого инженера направляют на Днепровский металлургический завод. Он работает — не изображает, а работает. Ночами, в жару, в смены. Его замечают. В 1937 году — секретарь Днепродзержинского горкома. В двадцать пять лет — уже партийный чиновник. И тут начинается то, что потом Брежнев не любил вспоминать: 1937-й.

Кабинет горкома, осень 1937

— Леонид Ильич, — секретарь положил папку на край стола, — вот список. Товарищи из области передали. Нужно оформить.

— Что оформить?

— Ну... разобрать. По категориям. Кто враг, кто заблудший.

Брежнев открыл папку. Полистал. Закрыл.

— А кто определял, кто враг?

— Товарищи из области, — секретарь понизил голос. — И выше.

— Ясно. Оставьте. Я посмотрю.

Секретарь вышел. Брежнев остался сидеть, глядя на закрытую папку. Потом открыл снова. Имена. Фамилии. Знакомые фамилии — с завода, из горкома, из техникума.

Он не был палачом 1937-го. Не был и героем сопротивления. Он был одним из тех, кто выжил, не подняв руку — но и не опустив её на голову невинному. Как именно ему удавалось это балансировать — до сих пор спорят.

Глава 3. Война

22 июня 1941 года. Днепропетровск ещё не бомбили — слишком далеко от границы. Но по радио уже передавали голос Левитана, и уже поняли: всё.

Днепропетровск, утро 23 июня

— Леонид, ты слышал? — Вера, жена, стояла у раскрытого окна. За окном гудел город: машины, голоса, топот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.